

ЕЛЕНА АЛЕКСИЕВА

[130]

ИЛ 1/2016

Мадам Мисима

Монодрама

Перевод с болгарского Валентины Ярмилко

Роль мадам Мисимы исполняется мужчиной в духе традиционного японского театра “Кабуки”.

Тюремная камера. Раннее утро, рассвет. В глубине сцены — высокое узкое окно, забранное решеткой. У одной стены — нары. В углу камеры — помойное ведро вместо унитаза. Радиоточка. Небольшой сундук, который используется как столик. На стене — доска с гвоздями, на которых висит одежда.

На нарах спит человек, укутавшись с головой.

Из радиоточки раздается музыка — популярная японская песня, веселая, может, — эстрадная. Поет женщина.

Человек на нарах просыпается. Потягивается. Отбрасывает одеяло. Садится в постели. Видно, что это мужчина. Он сидит на нарах в майке и трусах.

Песня продолжает греметь.

Мужчина встает и идет к ведру. Становится спиной к залу. Мочится. Делает несколько шагов по камере. Достает из сундука кусок зеркала и неодобрительно себя рассматривает. Достает разные туалетные принадлежности и косметику. Начинает гри-

© Елена Алексиева, 2014

© Валентина Ярмилко. Перевод, 2016

Редакция выражает благодарность Елене Алексиевой за любезное разрешение безвозмездно опубликовать пьесу на страницах журнала.

мироваться. Сначала наносит на лицо белила. Затем рисует брови, глаза, губы и т. д., пока его лицо не превращается в женское.

Меж тем песня закончилась, но мужчина продолжает ее напевать все время, пока гримируется.

Затем укладывает на место косметику и грим и снимает с гвоздя одежду. Начинает одеваться. Надевает нижнее и верхнее кимоно. Подпоясывается. Натягивает белые носки. С одной стороны, его перевоплощение выглядит как случайная импровизация с использованием подручных материалов, но с другой, все происходит так быстро и умело, что в это перевоплощение веришь.

Из радиоточки вдруг снова гремит та же песня и замолкает лишь тогда, когда мужчина окончательно превращается в женщину. Покончив с одеванием, женщина ложится на нары, скрестив ноги и заложив руки за голову. Вскоре раздаются шаги. Женщина приподнимается, внимательно прислушивается. В замке поворачивается ключ, скрип тяжелой двери. Кто-то входит в камеру.

Ах, господин следователь. Я не ждала вас так скоро. В сущности, я уже никого не ждала, после того как вчера прогнала официально назначенного мне адвоката. Вы уже слышали об этом? Не удивляюсь. Такой противный старик. Но он сам виноват в том, что я его выгнала. Постоянно досаждал мне своим нытьем о гонораре. Скулил, что дело слишком сложное. Что оно затянется. Что официально ему заплатят столько, что это не покроет даже его личных расходов. Он даже пытался хватать меня за руки и, нагло глядя в глаза, намекать, что при известном содействии с моей стороны — *при известной благосклонности*, как он выразился, — он мог бы меня спасти.

Вы только представьте себе!

Спаси меня! Меня! (Смеется.)

На протяжении всей пьесы смех героини отрывист, груб, громок, типично мужской. Может быть использован для ритмизации. Это — характерный смех Мисимы, его “марка”.

Ах, простите меня, господин следователь! Я занимаю вас всякими глупостями, вместо того чтобы встретить — как подобает — человека вашего ранга. К сожалению, мои хорошие манеры и воспитание остались за стенами этой камеры, как и все остальное. Я сразу решила не брать с собой ничего, кроме самого необходимого женщине в моей ситуации. Женщине, жизнь которой сейчас и впредь будет сведена только к физическому существованию. Поэтому я оставила все свое

прошлое там, за решеткой. Оно мне уже не принадлежит. В нем нет ничего особенного, ничего, что представляло бы интерес для кого-либо, кроме меня самой. А вы хотите судить меня за это.

Ну вот, снова я за свое.

Я уже предчувствую, что вы на меня рассердитесь (здорово рассердитесь) и больше ко мне не придете. Моя грубость непростительна. Но я прошу, умоляю вас не наказывать меня столь жестоко. Оставьте жестокость суду, а вы по-прежнему приходите ко мне. Делайте свое дело. Собирайте ваши проклятые доказательства. Задавайте вопросы. Наблюдайте за мной.

О, я так люблю, чтобы за мной наблюдали, господин следователь! Обожаю чувствовать на себе чужие взгляды — холодные, смущающие, безжалостные — даже здесь, в этом полумраке.

Прошу вас, присаживайтесь, если найдете куда. Нет, нет — не сводите с меня глаз. Я пригласила бы вас присесть рядом, на нарах, но так нам будет неудобно. Мы тогда не сможем хорошо видеть друг друга, так как будем сидеть слишком близко. Можем даже невольно коснуться друг друга, что было бы еще ужасней. Поэтому единственное, что я могу вам предложить, — сесть на помойное ведро. К сожалению, с утра надзиратель еще его не выносил, но, на ваше счастье, я уже несколько дней не ходила “по-большому”. Что поделаешь — у меня всегда был слишком чувствительный желудок, да и нельзя сказать, чтоб тюремная еда была мне по вкусу.

Там, за ведром — кусок фанеры. Положите его на ведро, чтобы не воняло. И спокойно садитесь. Не волнуйтесь, фанера вас выдержит. Только не делайте лишних телодвижений, чтоб чего не случилось.

Ну что поделаешь — у меня нет стула. Мне не оставили даже куска татами, чтобы мы могли по-человечески сесть на него, лицом друг к другу.

В вашей тюрьме очень строгие порядки, господин следователь. Строгие и скучные. Здесь не происходит ничего интересного. Человек просто медленно загнивает от скуки. Словно приговор вступает в силу еще до оглашения.

А если человек невиновен? (*Смеется. Пауза.*)

Он знает, что я богата. Этот старикашка, назначенный защитник. Ну, может, не богата, но достаточно состоятельна. Да ведь это и не тайна. Это всем известно. Я никогда не скрывала своих денег. И не пряталась за ними. И уж наверняка не настолько тупа, чтобы верить, что за эти деньги смогу купить себе свободу. Просто потому, что я никогда ее не теряла.

Я и здесь настолько же свободна, господин следователь, как где бы то ни было. Единственная разница в том, что эта свобода уже мне ни к чему. Она — выжженная пустыня. Доброкачественная опухоль, с которой некомфортно жить, но от которой нет ни малейшей надежды умереть. Вот такая она, моя свобода. И деньги здесь ни при чем.

Но назначенный адвокат думал только о них. Он хватал меня за руку своими коротенькими пожелтевшими пальцами, уверяя, что может меня спасти. Говорил, что у него богатый опыт. Что он близок с судьей. “Но вы, мадам, — говорил он, — должны меня мотивировать. Чтобы я все сделал как надо. Чтобы мог послужить справедливости”. И полз пальцами вверх по моей ладони, к кисти, словно хотел измерить мне пульс.

Верите, господин следователь, это возбуждало и одновременно отвращало меня... Я возбуждалась от отвращения, которое испытывала от прикосновения его пальцев к моей кисти. Возбуждалась от его сухой бескровной кожи, из которой годы выщипали редкие волоски — один за другим. От его зловонного дыхания, которым он обдавал меня, обещая спасти. И это возбуждение не покидало меня еще несколько часов. (Пауза.)

Лежа здесь, лишённая возможности заняться чем-нибудь другим, я думала о вас, господин следователь. О вашем таком молодом, просто детском лице, так резко контрастирующем с грузом вашей ответственности. Ваша власть над несчастными, вроде меня, все еще пугает вас даже больше, нежели нас, ваших подопечных. Не так ли? И эта наивная суровость во взгляде, которую вы, вероятно, тайно репетируете перед зеркалом... С вашего позволения, дам вам один бесплатный профессиональный совет: не переигрывайте, господин следователь. Вы добиваетесь противоположного эффекта — становитесь похожи на капризного ребенка при виде неаппетитного завтрака, а не на борца с преступностью.

Сколько вам лет? Двадцать пять? Двадцать восемь? Я не дала бы вам и двадцати.

Нет, я над вами не издеваюсь, наоборот. Я обожаю молодость. Желаю ее, стремлюсь к ней, завидую ей и ревную. В молодости более всего я ценю ее страсть к уничтожению. Меня всегда интересовало, что же такое молодость? И почему то, что в молодости красиво и неудержимо привлекает, в старости отталкивает и смердит пороком. В молодости я больше всего люблю ее плоть и кровь, удивительное единство духа и тела. Потом все безвозвратно исчезает, задолго до того, как смерть все это окончательно ликвидирует.

Говорят, человек молод до тех пор, пока молод его дух. Глупости. Дух стареет первым. В конце только тело имеет значение. Иначе косметическая индустрия просто не существовала бы. Знаете, значительная часть моей жизни неразрывно связана с косметической индустрией. (*Смеется.*)

Я уже не молода, господин следователь. Впрочем, вам это известно. Вы знаете, когда я родилась и где, кто мои родители и под каким именем я значусь в муниципальных документах. Но до старости мне еще далеко, как совершенно верно заметил мой назначенный защитник. Для него я все еще лакомый кусочек, с хорошим финансовым обеспечением, к тому же попавший в серьезную переделку, — значит, мне, по его мнению, особо выбирать не приходится.

Он, бедолага, именно на это и рассчитывает. Этой ночью он даже посетил меня во сне, сделал последнюю попытку — а вдруг я передумаю. (*Пауза.*)

Вы женаты? Да, я помню, что уже спрашивала об этом, вот только ответа не помню. Впрочем, можете не отвечать. Я сама угадаю. Позвольте мне вас придумать. Позвольте дать волю моему воображению. Все равно здесь время тянется так медленно, и заполнить его совершенно нечем. Да и вы не слишком часто меня посещаете. И вынуждаете бесконечно, отчаянно вас ждать. Вероятно, вам нравится заставлять меня страдать. Не скрою, мне это тоже нравится. (*Пауза.*)

Ну конечно, вы женаты. Недавно, сравнительно недавно. Не более двух лет. Она младше вас. Хрупкая, скорее всего, изящная, но не обязательно красивая. Родом из провинции. Женщина со вкусом, но ее выдают манеры. Она отлично заботится о вашем доме. И не слишком интересуется остальным. Тем не менее, порой ее рассуждения вас удивляют. Она не глупа. С прекрасной интуицией. И отнюдь не настолько склонна к компромиссам, как может показаться. Вы допускаете, что она счастлива, но не смеете спросить ее об этом. Да и она редко пользуется такими громкими словами, утверждая, что просто их не понимает. Предпочитает изъясняться как можно проще, а лучше — молчать. И в этом вы тоже усматриваете скрытый интеллект. Мысль о нем вам льстит и отчасти пугает. Вы отдаете себе отчет, что вы ее не знаете и, может, не узнаете никогда. Но это вас не смущает. Она знает, что вам нужно. Знает, как вам понравиться. И умеет о вас заботиться.

А что вам еще нужно? Вы женились по любви, но не уверены, любили ли вы ее когда-нибудь. Вы у нее первый. В постели вы стараетесь казаться более умелым, чем на самом деле. По крайней мере, так было вначале. И самым серьезным образом намереваетесь кое-чему ее обучить.

Вы, невежда. Она покорна. Послушно принимает ваши наставления. И все же у вас создается впечатление, что она недостаточно старается. Но вы снисходительны. Вам спешить некуда. Главное, чтобы ей было хорошо. Потому что ей и в самом деле хорошо, в этом у вас нет ни малейших сомнений. А потом... Потом появится первый ребенок, и удовольствие отойдет на задний план. Ваша жизнь станет более функциональной. Повседневность заполнится тысячей мелких обязанностей. Вы поймете, что значит быть отцом, главой семьи. Параллельно будете делать карьеру. Профессионально совершенствоваться. Кто знает, может, в один прекрасный день вы даже проснетесь директором этой тюрьмы. *(Смеется.)*

Из радиоточки гремит мелодия — может, та же, может, другая, но такая же жизнерадостная. И быстро стихает.

Зачем кричать, господин следователь? Я не хотела вас обидеть. И разве я виновата, что вся ваша личная жизнь уместается в нескольких кратких предложениях, написанных на вашем лице. Вы тоже не виноваты. Просто вы еще слишком молоды. Посмотрите на себя. Щеки, как у младенца. Наверное, вы даже бреетесь не каждый день. *(Пауза.)*

Да. Хорошо. Поняла. Умолкаю. Я только хотела вам показать, что вы и я — из разных миров. Вы, вероятно, испытываете ко мне презрение, в лучшем случае — легкое пренебрежение или любопытство. Задаете мне вопросы, ответы на которые вам известны заранее. Записываете мои слова, но не слышите их. Торопитесь отправить меня на виселицу, чтобы скорее вернуться домой. Считаете, что я играю какую-то роль, в то время как я говорю вам сущую правду.

Но ведь вы, господин следователь, не готовы принять эту правду. Вы доросли лишь до фактов, и этим ваше представление о мире исчерпывается. Не верите мне, даже когда я чисто-сердечно говорю, что мне вас жаль. Поверьте, господин следователь, вас ждет провал, если вы не позволите мне вам помочь. Не только здесь и сейчас. Провал во всем — и окончательный. Ваш провал будет так страшен, что вы не найдете в себе сил купить собственную смерть. И тогда, наконец, вы поймете, что сделал он и почему. Но будет поздно. Не для меня, господин следователь. Для вас будет поздно. *(Из-под подушки на нарах достает стопку бумаг. Нервно, торопливо просматривает их. И бросает на пол.)* Я этого не подпишу. Ни за что. Нужно быть сумасшедшим, чтобы надеяться, что я подпишу, ведь здесь нет ни единого моего слова. Да я просто не понимаю, о чем здесь идет речь. Не понимаю, что значат ваши слова. *(Пауза.)*

Это — ваши слова. Ваш язык. Почему, в таком случае я должна под этим подписываться? Подпишитесь сами. (*Пауза.*)

Это все не имеет со мной ничего общего. Для вас это показания, а для меня — история. Вы улавливаете разницу?

Вам еще учиться и учиться, юноша. Заберите ваш черновик и начните сначала. И не говорите мне о вине. Вы ничего не знаете о моей вине. Пишите только о том, что вам доступно. О простеньких конкретных вещах, которые вы видели своими глазами. Ограничьтесь описанием, не углубляясь в объяснения. И не заботьтесь об эффектном начале — куда важнее эффектный финал. (*Смеется.*)

На сегодня достаточно, господин следователь. А теперь оставьте меня одну.

* * *

Камера. Ночь. Из радиоточки звучит тихая инструментальная традиционная японская музыка. Мадам Мисима сидит на полу. Картинка размыта, словно во сне.

Сегодня снова приходил назначенный адвокат. От этого человека просто невозможно отделаться. Я отказалась с ним разговаривать, но он, очевидно, дал взятку, потому что надзиратель привел его прямо ко мне в камеру, невзирая на мои возражения. И неусыпно наблюдал за нами в глазок. Я видела, как глаз надзирателя движется в глазке, как жестоко и безразлично танцует за стеклом, словно око демона, не упуская меня из вида.

А в это время назначенный адвокат говорил без умолку. Он сказал, что, проанализировав в очередной раз все факты по моему делу и составив собственное мнение о моей личности, он придумал новую линию защиты. Новую стратегию, абсолютно гарантирующую мое освобождение от ответственности.

Я сухо ответила, что предельно ясно заявила о своем нежелании его видеть. Что не нуждаюсь в защите, так как не совершала преступлений. И если суд не в состоянии это понять, тем хуже для суда.

“Я именно это имею в виду, — невозмутимо продолжил адвокат. — Я рад, что обстоятельства совершенно точно отвечают моим намерениям. Ваши слова недвусмысленно говорят о том, как легко мне будет изложить тезис о вашей неменяемости, мадам. Я думал выдвинуть тезис о вашей временной неменяемости, но теперь убедился, что могу добиваться признания устойчивого расстройства психики. (*Пауза.*)

Я еще не сошла с ума, господин следователь. (Пауза.) Или, может быть, вы так не считаете? В таком случае скажите, что именно в моих действиях наталкивает вас на мысль о моем сумасшествии. Или я кажусь вам слишком слабой, чтобы поднять меч и отсечь голову смертнику? Отсечь голову мужчине, которого я любила, чтобы спасти его от мучений? Но вот чего не знаете ни вы, ни назначенный адвокат, так это, что от мучений можно спасти лишь того, кто сам избрал смерть. Но не того, кто остался жить.

Мисима был избранником смерти. С самого рождения он попал в ее почетную квоту. А я оказалась всего лишь исполнителем этого великого плана.

С рождения я была его кайсаку¹. Обезглавителем.

Милостивый ангел смерти, избавитель тех, чьи тело и дух в момент сэппуку² сливаются настолько, что для их разделения требуется рука человека.

Я — служительница смерти, господин следователь. И поэтому бессмертна. У каждого, избравшего героический конец с помощью сэппуку, есть свой кайсаку. Он сильнее брата и нежнее сестры, заботливей матери и строже отца. В миг, когда он вздымает меч, он перестает быть человеком и становится собственной тенью. Жизнь его теряет смысл и цену. Он никогда не станет героем. Никто не в силах спасти его и вернуть ему человеческий облик. Только дух умершего находит в нем убежище. Потому что дух умершего человека, господин следователь, продолжает жить, в отличие от духа живущего.

А вы делаете из меня сумасшедшую. Смеетесь мне в лицо. Суετε в глазок чей-то глаз, который круглосуточно за мной наблюдает.

Бойтесь меня. Хотите осудить меня за самоубийство самоубийцы. Так осудите его, если сможете! Соберите по крупинке его пепел, поднимите из могилы и осудите! Что? Звучит как бред сумасшедшего? А почему тогда вам не кажется бредом суд надо мной? (Роется в листах бумаги на полу, находит

1. Кайсаку — ассистент, присутствующий при ритуале совершения сэппуку, ударом меча он прекращает мучения убивающего себя самурая. (Здесь и далее — прим. перев.)

2. Сэппуку — ритуальное самоубийство. В философии дзен-буддизма, формировавшей мировоззрение самураев, центром двигательной активности человека и местоположением его души считался живот (по-японски “хара”). Поэтому вскрытие живота (харакири) при сэппуку осуществлялось для того, чтобы показать чистоту своих помыслов. Это было последней возможностью оправдать себя перед небом и людьми.

один, читает.) Заключение аутопсии гласит: “Рана в области живота поверхностная, почти царапина. Острие даже не пробило стенку брюшной полости. Жертва погибла в результате второго удара — мечом, обезглавившим ее и вызвавшим мгновенную смерть”. (Пауза.)

Это ложь. Ваши патологоанатомы — шайка невежественных мерзавцев. Да ведь я своими глазами видела, как острие вошло в брюшную полость. Я видела глубокий чистый разрез, сантиметров в десять длиной, из которого, как новорожденный, вывалились его кишки. Я видела его лицо, побледневшее, как мел, чистое, как белый лист бумаги, прозрачное, как летнее утро на горе Фудзи. Без губ, без глаз, без надежды, без сожаления. Я видела, как смерть поставила свою печать на это лицо, нежно, как поцелуй. И только тогда взмахнула мечом. (Тихо.) Это было прекрасное сэппуку. Лучшее из всех, что можно себе представить. (Пауза.)

Когда-то он написал рассказ “Патриотизм”, господин следователь. В нем молодой поручик Такэяма, стоя перед выбором между верностью своим друзьям по оружию и верностью императору, совершает ритуальное самоубийство на глазах у своей красавицы-супруги. Они предаются любви в последний раз, а потом она помогает ему уйти из жизни и остается с ним до конца.

Но как он описывает сэппуку! Эта сдержанная поэзия тела, от которой у тебя перехватывает горло. Спектакль боли как последней связующей нити с жизнью! И реки крови! Ах! Реки крови! (Смеется.)

Все это напоминает мне о вас, господин следователь. Я не перестаю представлять себе вас. Вашу молодость. И ваше тело, которое под этой одеждой кричит об обожании, а вы его не слышите. А когда услышите, уже придет старость. И тогда все это потеряет смысл. Так что, если вы думаете что-либо делать в этом смысле, то сейчас самое время. Используйте меня. Я в ваших руках.

Вы и ваша малышка... Как там ее?.. Но ее нервы этого не выдержат. Она будет кричать, будет плакать. И непременно попытается вам помешать. Чтобы спасти. И все испортит.

Поэтому вам нужна я. Я никогда не теряю самообладания. Кроме того, знаю ритуал до мельчайших тонкостей. Знаю, когда и что необходимо. К тому же я изысканный зритель. Могу по достоинству оценить происходящее. И получаю ни с чем не сравнимое удовольствие. (Смеется.)

Ваша смерть не будет напрасной, господин следователь. Если рядом с вами буду я. И в конце, когда все повиснет на волоске, я буду там и обо всем позабочусь. Это вас не искушает?

Вы занимаетесь героической смертью, а убирает за вами кто-то другой. Вы одним прыжком запрыгиваете в Историю, а кому-то другому до конца его жизни снятся дерьмо и кровь.

Хорошая сделка? Или нет? *(Пауза.)*

Ну, ладно. Судя по вашей реакции, вы человек чувствительный. Не расстраивайтесь. Не обязательно все должно быть так уж гнусно. Гнусное наступает в последний момент, когда ничего уже сделать нельзя, но это ненадолго. А до тех пор можете чувствовать себя героем.

Если дерьмо вас смущает, я научу вас одному трюку: подложите побольше ваты. И вам удастся избежать конфуза. Рука ваша не дрогнет, и потом в смертном акте не напишут, что вы только поцарапались.

Всему этому, разумеется, научил меня он. Всему самому важному, что я знаю о жизни, научил меня он. Главное, это постоянно прикрывать срам подручными средствами и косметикой. Не изменять себе, настоящему. Ежедневно накачивать мускулы — не для того, чтобы превратить свое тело в храм, а в надежде изгнать раз и навсегда того хилого, потерянного ребенка, который прячется в храме и не желает оттуда уходить.

Но ведь и сердце тоже мускул, господин следователь. Только не видимый снаружи. И в один прекрасный день, перекачавшись, можешь вывести его из строя. Ты тренировался жить за десятерых, а твое сердце могло жить только для одного. *(Пауза.)*

Сменить прозу жизни на поэзию смерти. Красиво, не правда ли? И романтично. Вот только сначала нужно научиться читать. *(Смеется.)*

Вы умеете читать, господин следователь? То, что писать вы умеете, я уже поняла. Ваша писанина безграмотна, лишена чувства и пронизательности. Вы не чувствуете слов и стоящей за ними правды. Но все же это какое-никакое начало. *(Роется в бумагах на полу. Поднимает несколько. Перечитывает.)* Снова двойка за домашнее задание, господин сочинитель. Хоть то, что вы здесь написали, в общих чертах верно. Но стиль по-прежнему отвратителен, даже хуже, чем в прошлый раз. И как вы это назвали? “Добровольные признания”? Ха! Ну что за заглавие? Перечитайте классиков! Не важно, кого именно, любого, на выбор — все больше пользы! Вы спутали жанры! Я рассказываю вам драму, а вы пишете сочинение. *(Пауза.)*

Мне жаль вас, господин следователь. Да, я отлично помню, на какое время назначено судебное заседание. *(Пауза.)*

Гляньте, уже светает. А я, на вашем месте, начала бы вот так.

Дверь камеры медленно со скрипом открывается. Невидимые руки бросают кого-то внутрь, потом дверь закрывается, слышен поворот ключа. Мадам Мисима некоторое время лежит на полу. Ее кимоно смято и порвано в одном месте. Ноги босые. Грим гротескно размазан по лицу. На лице, у рта, на руках — следы крови и побоев.

Она с трудом поднимается на ноги и добирается до сундука. Он довольно далеко от нар. Достает свои косметические принадлежности и осколок зеркала. Внимательно рассматривает себя, прикасаясь к ранам на лице. Открывает рот и рассматривает зубы. С трудом стоит на ногах. Оглядывается по сторонам, словно в поисках стула. Направляется в угол камеры и подтягивает помойное ведро. Кладет на него сверху кусок фанеры. Совсем тихо, еле слышно, напевает сквозь зубы мелодию из первой сцены. Садится, преодолевая боль.

Осторожно, прерывая напев болезненными вздохами, начинает приводить в порядок грим. На это уходит довольно много времени. Покончив с этим, с трудом встает, плетется к нарам и садится на них.

Из радиоточки раздаются хрипы и треск.

Примерно до середины этой сцены мадам Мисима разговаривает с трудом, шепелявя и чуть коверкая слова.

А, господин следователь. Вы снова здесь. Я не слышала, как вы вошли. Или вы и не уходили?

Вы так добросовестны, что у вас не остается времени на отдых. Напомните мне, чтобы я написала об этом вашему начальству. Такие усердные сотрудники — редкость в наши дни. Вижу по вашим глазам, что вы надеетесь на повышение. Ну что ж, ждать осталось недолго. Я об этом позабочусь. Кое-какие связи у меня остались. Мое имя по-прежнему кое-что значит, даже для тех, для кого до недавнего времени оно не значило ничего. *(Пауза.)*

Как вы меня находите? Ваши люди постарались на славу. Три выбитых зуба и один сломанный. И два вырванных ногтя — по одному на каждой руке. И электричество они тоже не экономят, когда идет речь о... Что вы сказали? Добровольные признания. *(Смеется.)*

У вас бедное воображение. У вас и у вашего ведомства. А жизнь без воображения вообще ничего не стоит. Но вы еще молоды. Для вас еще не все потеряно. Ну ладно, расслабьтесь. Что вы так напряглись? Только не говорите, что впервые видите, как обрабатывают подозреваемого. Хотите взглянуть вблизи? *(Распахивает кимоно.)* Подойдите поближе, не бойтесь. *(Пауза. Запахивается. Туго подпоясывается поясом. Смотрит на свои босые ноги.)*

Вы и в самом деле слишком чувствительны. Вам стоит серьезно задуматься, подходит ли вам эта работа. Что по этому поводу говорит ваша супруга? Или она довольна, что вы приносите зарплату, а как именно вы ее зарабатываете, ее не слишком интересует? (*Ложится на нары. Тянет на себя одеяло.*) Простите, но я должна немного отдохнуть. А вы не уходите. Вы мне совершенно не мешаете. (*Пауза.*)

Как ваши писательские потуги? Смотрю, вы ничего мне не принесли почитать.

Да нет, я и не думала вас прищпоривать. Наверное, начальство и так вас торопит. Да и время не стоит на месте. До процесса осталось всего ничего. Вы приходите сюда ежедневно, а что толку? Я играю по своим правилам, вы — по своим. Так мы ни к чему не придем.

Я пытаюсь вам помочь, но вы мне не позволяете. Мои попытки раскрыть вам глаза вы воспринимаете как легкомыслие. Ищите истину в фактах, а справедливость — в наказании. Вы ведь сами не знаете, какая она — истина. И в чем справедливость. Когда-то где-то кто-то второпях что-то вам объяснил, да вы и это забыли. Остались лишь два слова, лишённые смысла. И вы стесняетесь даже произнести их вслух. (*Пауза.*)

Воля ваша. Сегодня у меня нет сил, чтобы настаивать. Скажите, бедный мой мальчик, как сделать вас счастливым, пока это все еще в моих силах. (*Пауза.*)

Поговорить о нем? Да ведь мы только о нем и говорим.

Разумеется, я его знала. Можно сказать, что всю свою жизнь я знала только его. Сначала была его сумасшедшая больная бабушка-самурай, укравшая его у матери просто так, от нечего делать. Потом — его мать, без которой он просто не мог дышать и которую носил на руках до самого конца. Затем — его жена, которая тащила его на своем горбу целых двенадцать лет, а он в благодарность оставил ее вдовой с двумя маленькими детьми на руках. И, наконец, я. Его кайсаку. Личная Ника Самофракийская, благодаря которой он смог выиграть битву с самим собой, причем так, что его собственная голова стала последней точкой в неразборчивой рукописи его жизни.

Почему он это сделал? Да по многим причинам. По-моему, потому, что у него было все. А когда у человека есть все, он живет в постоянном страхе, как бы это все не потерять. Этот страх постоянно растет и мешает видеть, что там, за линией страха, жизнь продолжается. Не поймите меня превратно. Мисима не был трусом. Он был героем. Он превратил свой страх в нечеловеческую отвагу, а это уже само по себе — подвиг, достойный восхваления.

Он написал свои книги, везде побывал, все изведаль, воспользовался всеми благами своей чудовищной славы, выполнил все взятые на себя обязательства, обеспечил своих близких, простился с друзьями, не забыл и о врагах, пребывая на сцене так долго, что ему уже было безразлично, как его зрители проводят — аплодисментами или свистом.

Люди смотрят, но не понимают. Поэтому умирают с открытыми глазами. А у него в конце осталась только я. Потому что он решил умереть как герой, и я должна была ему в этом помочь.

И когда острое вошло в его обнаженный живот, клоунада, наконец, закончилась. Мы оба это поняли. Усилием воли он расслабил мускулы живота, чтобы лезвие легче вошло в его плоть, и нажал. Он столько лет к этому готовился. А я плотнее сжала в ладонях рукоять меча, который он сам мне дал. И все. Остальное вы знаете. Вы видели фотографии, смотрели фильмы, слышали анекдоты, читали книги. *(Пауза.)*

Что? Не читали? *(Смеется.)* Я ведь велела вам читать классиков, господин следователь. *(Нарочно шепелявит.)* Классиков! Классиков. *(Смеется захлеб, до слез. Затем спокойнее.)*

Ох, больно. Перестаньте. Смилюйтесь над своей жертвой. Я ведь вижу, что вы хороший мальчик. Вряд ли в ваши служебные обязанности входит желать мне зла. Для вас это может быть средством, но не целью. Что такое несколько оплеух и несколько выбитых зубов на пути к истине? И даже несколько сотен вольт во имя справедливости? Эх, господин следователь, вам еще учиться и учиться! Вы еще многих заставите страдать, прежде чем научитесь. *(Пауза.)*

Мисима был самым известным человеком в Японии! Можете себе это представить? Более известным, чем премьер-министр. И, может, даже известней, чем Император, хоть так говорить — святотатство. А сейчас он стал еще известней. Он всегда знал, как сделать себе рекламу.

В тот памятный день он обеспечил даже вертолеты японского государственного телевидения NHK. Они кружили над площадью, на которой он собрал более тысячи солдат, чтобы произнести перед ними речь о верности Императору. Вот только вертолеты ревом моторов заглушали его, а солдаты — освистывали. И тогда я, глядя на все это из своего окна, подумала: “Реклама убивает. Не слава, а популярность. Не признательность грядущих поколений. А эти телекамеры. Не книги, а газеты”.

Рев вертолетов заглушал его голос. Он стоял там, на террасе — маленький, жилистый и страшный. В безмерном отчаянье от того, что ему предстояло. Никто его не слушал — все

слушали вертолеты. И каждый в отдельности слушал себя. Свое собственное “у-у-у” и “а-а-а”. Свое “пошел вон отсюда, кретин!” и “уберите этого идиота!”. Площадную брань, которую изрыгали их юные грубые солдатские глотки.

Но даже если бы они его слышали, это уже не имело значения. Даже его собственные гвардейцы не понимали, что происходит. Только телекамеры продолжали работать. Микрофоны журналистов усиливали рев толпы. Император сидел в своем дворце и ни о чем не подозревал, потому что император, это не человек, а принцип, он и не должен ни о чем подозревать. *(Пауза.)*

Эти слова вы где-то слышали, господин следователь? Вы не помните себя в этой толпе?

Позднее те, кто не прочел ни одной его книги, назвали его фашистом. Да, я знаю, что вы не употребляете подобных эпитетов, и весьма вам признательна за это. Но ведь и людей, ни на кого не похожих, тоже надо как-то называть. Впрочем, Мисима куда больше расстраивался, если его причисляли к интеллектуалам. *(Смеется.)* Но не обижался, когда его называли клоуном или шутком.

А вы знаете, чем гений отличается от глупца? Гений преспокойно может себе позволить — и часто позволяет — быть сколько угодно глупым. Это ни в коей степени не мешает его гениальности. В то время как глупец никак не может быть одновременно и гением. Потому что гениальность — это состояние духа, а глупость — злокачественное свойство характера.

И поскольку Мисима был именно гением, в нем прекрасно уживались и высокий ум, и глупая суетность. Уживались и даже находили общий язык. Его суетность была всеядной и ненасытной, так же, как и ум. Он не боялся выглядеть смешным, потому что не находил в себе ничего смешного. И развлекался, будучи лишен чувства юмора. А развлекался он много, хотя ему было не до развлечений, и ничто его не забавляло. Он воспринимал развлечения как долг, да и жизнь воспринимал так же. И самым прилежным образом выполнял то, что, как он думал, жизнь от него требует. А жизнь ничего не требовала. Однако Мисима, непревзойденный стилист, не понимал языка жизни. И в итоге они друг друга так и не поняли. *(Пауза.)*

Этот Мисима, господин следователь, был просто сплошное недоразумение. Анекдот, да и только! Ха! А вы знаете, что он совершенно не умел взглянуть на себя со стороны? Не имел ни малейшего представления о том, как его восприни-

мают окружающие! Он придумывал разные вещи и сам в них верил. Под конец никто уже не воспринимал его всерьез.

А он взял и создал собственную гвардию! Представляете? Тетенокай, “Общество щита”. Самую маленькую армию в мире, как он сам говорил. И самую духовную. Это была без малого сотня голобородых юнцов, которым он пошил форму и научил маршировать. С кем они должны были воевать? Этого не знали и они сами. Они слепо пошли за ним, потому что он им нравился. Им нравилась придуманная им игра.

Они устраивали парады, как устраивают цирковые представления — с публикой и фанфарами. А он красовался в первом ряду в белой форме, как какой-нибудь бог войны. Ну, настоящий генерал.

Вы спрашиваете, господин следователь, кто это все позволил? Спросите ваших начальников. Почему вы задаете вопросы только мне? Почему только мне подсовываете на подпись какие-то выдуманные лично вами мои “чистосердечные признания”?

Мисима и его духовная армия! Его литературный талант иссякал, и он готовился к войне. И хоть он обучал своих кадетов всем тонкостям военного искусства, он прекрасно знал, что настоящий враг притаился внутри его самого. Мисима давно готовился сразить этого врага. “Общество щита” было ему нужно только как предлог. К тому же он желал, чтобы все происходило на публике и в декорациях. Потому что так ему казалось красивее. Подлиннее. И потому что он отказывался жить иначе. (*Пауза.*)

Но, несмотря на это, я его любила. Мне кажется, мы с ним всегда были любовниками. Во всяком случае, я не помню времени, когда не были. Он меня тоже любил, хоть ни разу не произнес этого вслух. Он приходил и уходил. Делал мне подарки. Ходил и к другим женщинам, но я на него не сердилась. Я ведь тоже ходила к другим.

Мир слишком мал, господин следователь. В конце концов оказывается, что человек не выбирает, кого ему любить, он может только выбирать, любить ли.

Мы встречались в укромных комнатках в барах Гинзы. Устраивали встречи в примерных после представлений его пьес. Снимали гостиничные номера в провинции, подальше от Токио. Он любил демонстрировать мне свое обнаженное тело, которое я изучила лучше, чем свое собственное. Любил играть передо мной мускулами, которые наращивал и ваял жестокими тренировками. Потом развязывал на мне пурпурное оби, которое сам мне подарил, расстилал его на полу и опускался на него на колени.

“Смотри, — говорил он мне, — это кровь. Представь себе, что это — кровь, а это — тело, из которого она льется. Тело состоит из слов, а кровь — это действие. И когда смерть наступает медленно, действие преисполняется смыслом, а слова становятся мирами”.

Потом мы любили друг друга в реке крови. Он кончал первым, и на гребне речной волны выступала его пена. А я кончала позже, когда он уже уходил. В одиночестве. *(Смеется.)*

Что поделаешь, господин следователь. У меня всегда был катастрофический вкус в отношении мужчин. Что ж удивительного в том, что в конце концов я оказалась здесь. *(Пауза.)*

Своим упорством и беспомощностью вы ужасно напоминаете мне его. К сожалению, во время обыска у меня в доме, полицейские конфисковали мое пурпурное оби. И сейчас от рек крови остались лишь несколько жалких капель, которые ваши палачи в камере пыток сегодня с таким трудом выбили из моего жалкого тела.

* * *

Все та же обстановка. Мадам Мисима стоит в углу лицом к стене и мочится в помойное ведро, опираясь одной рукой о стену. Вторая рука — в складках кимоно. Ее кимоно закрывает угол, как ширма. Это уже другое, более официальное, куда более роскошное кимоно, чем то, что было на ней раньше. Не поворачиваясь, она начинает говорить, когда струя еще течет в помойное ведро.

Мне запретили с вами разговаривать. Точнее, разрешили не разговаривать, если я не хочу. Напомнили мне о том, что у меня есть право на молчание. *(Приводит в порядок свою одежду, затягивает потуже оби, закрывает ведро фанерой, поворачивается лицом к залу.)*

А у вас, господин следователь, есть право сослаться на мое молчание, если ваше начальство спросит, почему расследование не продвигается.

Как это приятно — облегчиться. Облегчить свое тело, свою совесть. Все. Вспомнить свое первоначальное состояние, когда ты слишком мал, чтобы отвечать за что бы то ни было. Так начинается любое перерождение.

Сегодня я чувствую себя именно так: облегченной от любой ответственности. Готовой начать новую жизнь, в которой не будет ничего нового. *(Усаживается на пол. Церемониально разглаживает руками и располагает складки кимоно вокруг своего тела. Продолжая говорить, разыгрывает жестами воображаемую чайную церемонию.)*

Сегодня утром меня вновь посетил назначенный адвокат. Принес мне чистую одежду и мыло — я приняла все это с благодарностью. В конце концов, его постоянство заслуживает известного уважения. Да и его навязчивость уже не производит на меня столь отталкивающего впечатления.

Кроме того, с ним был еще один человек. Психиатр. Щуплый человек с усталым лицом и странной улыбкой, примерно того же возраста, что и адвокат. Психиатр обработал мои раны, не переставая громко возмущаться жестокостью моих мучителей. Я ему не стала говорить, что раны уже не болят. Это так приятно, когда к тебе прикасается тот, кто ничего не хочет у тебя отнять.

Адвокат представил психиатра: профессора Ашоку. Сказал, что он — великое светило в своей области, а также эксперт, к услугам которого он нередко прибегает. Со мной он держался очень мило, но достаточно твердо.

В итоге, господин следователь, может оказаться, что этот противный старый официальный защитник — настоящий мужчина. Он сказал, что профессор Ашока прибыл, чтобы задать мне несколько вопросов. И что в моих интересах отвечать точно и исчерпывающе ясно. Не забывая о том, что цель этих вопросов — установление моей невиновности. “Невменяемости”, — кротко поправил его профессор. “Не имеет значения, — ответил адвокат. — В данном случае все равно что мы установим”.

И они кивнули друг другу так, словно между ними существовал какой-то божественный заговор. А потом мы с профессором пообщались самым приятным образом. Более трех часов он подробно расспрашивал меня о моей жизни и так усердно записывал каждое мое слово, что исписал целую тетрадь.

Он предложил мне тест Роршаха, а я, чтоб его не огорчать, сделала вид, что вижу эти пятна впервые. А когда он меня расспрашивал, что именно я вижу в том или ином случае, я рисовала ему такие фантастические картины, что у него разгорались глаза, и от волнения в руке начинал дрожать карандаш. Еще он спросил, помню ли я, из какой груди чаще меня кормила мать, и видела ли я своего отца обнаженным в возрасте до трех лет. Я отца никогда в жизни не видела, но не сказала об этом, чтобы не разочаровывать профессора Ашоку. К тому же его вопросы доставили мне такое огромное удовольствие! Я призналась, что боюсь лошадей, а от звуков сямисэна меня бросает в пот. Под конец он меня спросил, есть ли у меня в роду самоубийцы, гомосексуалисты, алкоголики или осужденные за тяжкие государственные преступления.

Как можно, господин профессор, ответила ему я. Мой прапрадед был великим самураем. Думаю, этим я его окончательно покорила.

Затем они оба с адвокатом о чем-то долго шептались у двери, пока я невозмутимо приводила свой туалет в порядок. Посоветовавшись, они вернулись ко мне, и адвокат пожал мне руку. “Поздравляю вас, мадам, — сказал он. — Теперь вы официально освидетельствованы. Профессор Ашока готовит необходимый документ и передаст его в суд. Это означает, что все ваши заявления и показания, сделанные ранее, или будущие, будут считаться ничтожными и лишенными юридической силы, то есть не будут иметь доказательственного значения. Иными словами, можете говорить что вам угодно, никто не станет обращать на ваши слова внимания”.

Затем адвокат наклонился ко мне и шепнул на ухо: “Профессор страшно заинтересовался вашим случаем”. У меня по телу пробежала горячая волна, слезы признательности выступили на глазах. Я еле смогла прошептать адвокату: “Передайте профессору, что наши чувства взаимны”.

Потом господа покинули меня, и я, уже не сдерживаясь, дала волю слезам. (*Пауза. Наливает воображаемый чай в воображаемые чашки.*)

Ну, как вам эта история, господин следователь? Она не щекочет ваше самолюбие? Не преисполняет вас сладкой болью побежденного? Хитрый лис оказался этот адвокат, не так ли? И как хитро все закрутил: с одной стороны, имею право молчать, а с другой — что бы я ни сказала, не имеет значения.

Как вы побледнели, мой мальчик! Как запали ваши щеки! Вы непременно должны когда-нибудь пожаловать ко мне в гости! И я угощу вас первоклассным церемониальным чаем. Самым крепким. Не этими помоями, которые принес назначенный защитник. После первой чашечки вы почувствуете себя слегка опьяневшим. Мир закружится у вас перед глазами. Вы увидите вещи, никем до вас не виданные. После второй чашечки вы уже никогда не будете прежним. А после третьей впадете в забвение, страшно напоминающее смерть, но безболезненное. Вы почувствуете лишь удовольствие и просветление, которое следует за ним.

Уверяю вас, господин следователь, стоит пережить все это со мной. А теперь я с радостью подпишу вам все, что вы пожелаете. И советую вам сохранить свое произведение с моей подписью внизу, хотя оно довольно топорное. В один прекрасный день вы сможете продать его за хорошие деньги. Сможете, так сказать, его осеребрить. Ибо, как мне кажется, вряд ли когда-

нибудь вы научитесь проигрывать. Поэтому пусть хоть деньги послужат вам скромным, но все же весомым утешением.

Вы не принесли его с собой? Но почему?

Я все это время, пока сижу здесь и размышляю, постепенно теряя рассудок, который мне уже и не очень нужен, размышляю, даже когда терплю истязания палачей, инструктированных лично вами, успокаиваю себя, думая о том, что вы сейчас пишете и насколько вы уже преуспели. И что мои страдания не только забавляют вас, но и приносят какую-то пользу. А получается, что вы только и ждете подходящего повода, чтобы отказаться от этого дела.

Вероятно, я была к вам чересчур строга, и вы этого не заслуживали. Но и вас трудно назвать прилежным учеником. И поскольку вы искали легких путей, адвокат в конце концов переиграл вас. Он так легко и просто обвел вас вокруг пальца, что вам теперь не остается ничего другого, кроме как восхититься его действиями. И это притом, что я была на вашей стороне.

Что же вы теперь будете делать, господин следователь? Где найдете другого подозреваемого? Никто, кроме меня и Мисимы, не прикасался к этому мечу. Никто другой не держал его в руках. Его уже нет в живых, скоро и я вас покину. А что будете делать вы? Что от вас останется? Печальная безутешная тень, распростертая на полу этой камеры. Неужели, господин следователь, вы хотите, чтобы я запомнила вас именно таким, как сейчас? Не становитесь сентиментальным. Берите пример с него — благо пример совсем свежий. Бойтесь, сколько вам угодно, но не сходите с предначертанного вам пути. И не забывайте, что каждый раз, когда перед вами возникает выбор между жизнью и смертью, верное решение — смерть. Не пренебрегайте этим древним правилом самурая. Не важно, что ваш прапрапрадед, скорее всего, был простым торговцем рыбой на рынке.

Да и Мисима был просто писателем, который слишком много о себе возомнил. Вот только у писателя есть то преимущество, что, когда он что-то долго и настойчиво представляет в своем воображении, это постепенно становится реальностью. И в конце даже выдуманная боль становится настоящей, не говоря уж о выдуманном счастье.

А что тогда говорить о нас с вами, обычных людях, которым незачем что-либо воображать. Эта неспособность выбивает нас из колеи. Доводит до безумия. Как животных в зоопарке нехватка свободы. Они не умеют медитировать, не способны на философские прозрения. Не могут отделить дух от тела. Они лишь хотят быть такими, какими созданы. Пользуются своим неотъемлемым правом на молчание.

Мисима тоже научился молчать. И это он, который говорил так много, что уже начинало надоедать. Порой в потоке его слов ощущалось какое-то страшное молчание, которое вглядывалось в тебя, прищурив глаза, со страниц его книг.

Если вам, господин следователь, когда-нибудь доведется раскрыть одну из этих книг, особенно из последних, уверена, что это молчание все еще будет там.

Но вряд ли доведется. Просто вы с ним слишком похожи. Не хотите узнавать, хотите жить. Но не знаете как. Голоса ваших собственных желаний заглушают вас, вы готовы отрезать себе голову, лишь бы заставить их замолчать. У вас все есть, но вам всего не хватает. Река сочинительства, река театра, река тела и река действия пересыхают одна за другой. Их заливают река крови, но потом пересыхает и она. Вам кажется, что наступает конец света. А если вы достаточно умны, то уже поняли, что конец света может быть воспринят только лично. И могут быть только личные причины хотеть стать героем. Поэтому вы создаете соответствующие обстоятельства. Режиссируете собственный театр, шьете костюмы, оформляете сцену, выбираете действующих лиц, пишете им реплики и приглашаете публику.

Если человек не гениален, то все это выглядит жалко, поверьте. А если все-таки гениален, то ему удастся сыграть главную роль до того, как мизансцена с треском провалится и погребет его под своими обломками.

Конец света наступил, господин следователь. Я была там, видела его своими глазами и даже участвовала в нем. Но ни на миг не допустила, что это может быть и мой конец. *(Пауза.)*

Я держала меч, только и всего. В полном молчании. Без единой реплики. Почему, спросите вы? Потому что так решил Мисима. *(Смеется.)*

В сущности, я мечтаю прочитать вашу историю. Чтобы посмотреть на себя вашими глазами, которые даже сейчас, в такой момент горят мрачным возбуждением, вызывая у меня оторопь. И то, что вы мне ее не даете, возбуждает меня еще больше. *(Медленно ложится на пол.)*

Знаете ли вы, как я красива — там, при дневном свете. Если вы увидите меня, озаренную хоть одним лучом солнца, вы не сможете не пожелать меня. Мое тело словно вырезано из слоновой кости. Все в нем деликатно и соразмерно. И каждая его клеточка подобна весеннему цветку, раскрывающемуся для жизни. Оно мягкое и сильное, хрупкое и гибкое. А кожа! Вы никогда не прикасались к такой коже. Она наполнит ваше сердце нежностью и доведет вас до слез. Заставит забыть о том, что вы человеческое существо. Моя кожа, господин сле-

дователь, благоухает материнским молоком, которым матери кормят своих сыновей, когда те приходят в этот мир. Даже если вы прикоснетесь к ней губами один-единственный раз, вам хватит этого на всю жизнь.

А мое лицо! Вряд ли вы видели подобные лица. Это лицо божества, которое предается отдыху после того, как создало все самое прекрасное и самое страшное во Вселенной. Оно блестит подобно звезде — холодной и совершенной снаружи, но раскаленной, как лава, внутри адским пламенем сотворения.

А волосы! Чтобы их описать, слов просто не хватает. В сравнении с ними ночь не темнее летнего полдня. Они черны, как грех, и блестящи, как смерть героя. Увидев мои волосы, вы просто потеряете рассудок и пожелаете, чтобы вас ими удушили. (*Смеется.*)

Не знаю, как еще вам это сказать. Не знаю, как намекнуть, что при других обстоятельствах я не пожалела бы жизни, чтобы заняться с вами любовью, господин следователь.

* * *

Та же обстановка. Раннее утро. Все еще сумеречно, но постепенно светает.

Мадам Мисима сидит у сундука на помойном ведре с фанеркой и медленно переставляет на нем свои туалетные принадлежности и косметику. На ней то же кимоно, что и в предыдущей сцене.

По радио гремит знакомая жизнерадостная музыка для побудки. Углубившись в свое занятие, мадам Мисима сидит неподвижно.

Постепенно музыка стихает. В замке поворачивается ключ, потом раздается скрип тяжелой двери. Кто-то входит в камеру.

Мадам Мисима говорит, не оборачиваясь.

Не предполагала, что мы с вами еще увидимся. Адвокат сказал мне, что вас отстранили от дела. (*Пауза.*) Он о вас очень высокого мнения. Просил меня, чтобы я передала вам — не воспринимайте его как своего личного врага. Сказал, что был бы весьма рад, если бы вы приняли его приглашение на ужин. Весьма благородно с его стороны, вы не находите? Но я сказала ему, что, скорее всего, вы не примете его приглашения. (*Пауза.*)

Ладно, хватит грустить. Да мы с вами вполне еще можем когда-нибудь увидеться. Я слышала, что там, куда меня переводят, разрешены посещения. Нет? Значит, не придете... Ну что ж, может, так оно и лучше. Тогда простимся здесь и сейчас, без церемоний. Посмотрим в глаза друг другу и пожмем руки.

Как это романтично. И как типично для вас, господин следователь. Но я знаю, о чем вы думаете. Вы убеждены, что не

назначенный адвокат, а я — ваш настоящий враг. Чувствуете себя побежденным и низвергнутым, потому что начальство устроило вам разнос и отстранило от дела.

Вы предполагали, что я буду покорной и безропотной, как ваша супруга. И буду готова отдать жизнь, лишь бы не посрамить вас. Но я к этому не готова, господин следователь. Не забывайте, что эти руки держали меч. И воспользовались им. Кроме того, делать из мухи слона — признак незрелости. Сейчас другие времена. Если мелкое служебное недоразумение настолько выбивает вас из колеи, как вы сможете доказать своему начальству, что впредь оно все же может на вас рассчитывать?

А-а, говорите, вы собрали доказательства. Ну что ж, это уже кое-что. Может, это значит, что вопреки всему вы все же стали мудрее. Может, вопреки всему, вы не будете меня вечно ненавидеть, как ненавидите сейчас. Но если вам легче ненавидеть меня, чем себя, — пожалуйста, продолжайте. Я ничего не имею против. Я сделала бы для вас все, потому что я ваша должница. Да и вы уж точно последний мужчина, который не оставил меня равнодушной, и это не просто извращенное любопытство. *(Поворачивается.)* Хотите, чтобы я оказала вам последнюю услугу?

Надеюсь, вы не собираетесь мне исповедаться. Впрочем, даже если так, — я готова, разумеется. Вот только поторопитесь, мне здесь недолго осталось.

Стать вашей *кайсаку*? Сейчас? Вы даже написали свое предсмертное танка? Нет-нет, не показывайте. Меня это вообще не интересует. *(Смеется.)*

Вы ведь это не серьезно, не так ли? Ведь я не палач, господин следователь. Да и признаться, ваше неумение проигрывать в известной степени меня отталкивает. А уж просить меня помочь превратить ваше поражение в полный провал — благодарю покорно.

С другой стороны, не удивлюсь, если вы приготовили мне западню. В первый раз вам это не удалось, но, если вы умеете извлекать уроки из своих поражений, во второй раз должно получиться. Вы хотите, чтоб меня непременно осудили. Хотите знать наверняка, что мне от вас не улизнуть. И в то же время хотите реабилитировать свою профессиональную честь, пусть даже посмертно.

Как же мне это раньше не пришло в голову? Вы должны были сказать мне гораздо раньше. Тогда, может, я и подписала бы эту вашу глупую писанину. Но теперь... *(Пауза.)*

А если я откажусь? Не только из моральных, но и из практических соображений. Например, из-за того, что не располагаю профессиональным инструментом. Меч Мисимы вы

лично у меня конфисковали. Могу лишь предложить перерезать вам горло осколком зеркала, которым я пользуюсь, наводя красоту, но вряд ли вам это понравится.

Мечом мне, как вам известно, приходилось пользоваться. А вот насчет зеркала не могу вам дать никаких гарантий.

Понимаю. Вы принесли с собой кинжал. И хотите лишь, чтобы я смотрела. Не разубеждала вас, а только смотрела. А с чего вы взяли, что я собираюсь вас разубеждать? Я ведь сказала, что у меня совершенно не осталось времени.

А вата? Ватой вы запаслись? Bravo. Все-таки кое-чему я вас научила. Нет, показывать не надо. Я вам верю. *(Смеется.)*

Но имейте в виду — это самая безболезненная часть процедуры. Остальное не для людей со слабыми нервами. Вы будете мучиться, а я ничего не смогу сделать, чтобы облегчить ваши страдания. *(Пауза. Отворачивается к стене. Берет зеркало. Освежает свой грим.)*

Дайте мне свою рубаху. Если хотите, я могу передать ее вашей супруге. Как вам будет угодно. А теперь опуститесь на колени — спина прямая. Постарайтесь дышать спокойно. Сосредоточьтесь. И самое главное — расслабьте мышцы брюшного пресса. Расслабьтесь как следует. С первого раза может не получиться. Постарайтесь. Иначе вы сами себе будете оказывать сопротивление, а это лишь продлит ваши страдания. Будет очень больно, господин следователь. Вы даже не представляете себе, как будет больно.

Слышен шум подъезжающей машины. Пауза. Мадам Мисима прислушивается. Тишина.

Думаю, это за мной. Мне пора.

(Громче.) Какой рукой вы пишете, господин следователь?левой или правой? В таком случае, начните слева. И не останавливайтесь, пока не доведете дело до конца. Боль может сыграть с вами злую шутку. И если вы вообще сможете думать, пока будете это делать, думайте о том, что будет потом. А не о том, что происходит сейчас. *(Пауза.)*

В добрый час, господин следователь.

Собирает туалетные принадлежности с сундука и ссыпает их себе в подол. Прихватив подол, поднимается и поворачивается. Кричит.

Стоит в оцепенении. Потом идет к нарам, высыпает на них туалетные принадлежности. Достает из-под нар чемодан, кладет на нары и открывает. Достает из чемодана белую парадную униформу. Развязывает оби и снимает кимоно — верхнее и нижнее. Аккуратно складывает их. Остается в одних трусах. Перед нами снова мужчина. На его животе виден багровый поперечный

шрам через весь живот. Мужчина, не торопясь, надевает белую парадную форму. Сначала брюки, затем китель на голое тело. Затягивает ремень. Вынимает начищенные до блеска черные ботинки и обувает их. Берет из кучи туалетных принадлежностей коробку с кремом, открывает ее и густо намазывает лицо. Снимает грим.

Надевает на голову фуражку. Складывает в чемодан кимоно и туалетные принадлежности. Закрывает крышку. Достает из-под нар самурайский меч в ножнах. Подпоясывается ремнем, прикрепив к нему меч в ножнах. Берет чемодан и направляется к двери. Делает несколько шагов и останавливается у того места, где, как мы предполагаем, лежит тело следователя. Вынимает из ножен меч и отдает честь мечом.

Опускает меч в ножны и идет дальше.

Слышен звук удаляющихся шагов, скрип тяжелой двери.

Из радиоточки внезапно оглушительно звучит японский военный марш, но после первых тактов раздается скрип, и музыка прерывается.

Постепенно гаснет свет.